

Н.Н. НАУМОВА

СЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАРОДНЫХ ШКОЛ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

При организации сети народных школ в Восточной Сибири в 1880-1900-х гг. предполагалось, что они будут финансироваться из разнообразных источников. К государственным дотациям относились средства, выделяемые Синодальным училищным советом (школы духовного ведомства) и Министерством народного просвещения (государственные школы). В качестве местных источников дохода школ обоих ведомств можно выделить средства церквей и монастырей, православных братств и миссий, городских, волостных и сельских обществ, приходских и школьных попечительств, пожертвования частных лиц и благотворительных учреждений, проценты от пожертвованных капиталов, суммы губернского земского сбора. Плата с учащихся за обучение взималась только в школах грамоты духовного ведомства, где она составляла от 0,5 до 3 р. в месяц.

Для школ Министерства народного просвещения (далее — МНП), почти полностью находившихся на государственном обеспечении, местные средства были не столь важны, как для параллельной и конкурирующей с ними системой церковноприходских школ. Для последних многообразие источников субсидирования обуславливало непостоянность и нерегулярность поступления средств. Это стало залогом постоянного отставания школ духовного ведомства от начальных училищ Министерства народного просвещения по оснащению и качеству педагогического состава.

Самым постоянным из местных источников дохода церковноприходских школ были суммы губернского земского сбора, одного из видов крестьянского налога. Наиболее существенной статьей дохода часто становились взносы сельских обществ, которые зависели от уровня благосостояния крестьян, менявшегося год от года. От экономической конъюнктуры зависели и доходы церквей, обязанных делать отчисления в пользу церковных школ, и никакие усилия епархиальной администрации не в состоянии были их повысить.

Роль населения в работе народных школ была существенна. Во-первых, именно сельский сход назначал размер финансирования школы из местных средств, во-вторых, сами крестьяне определяли тип и ведомственную принадлежность школы, открывающейся в данном селении. Крестьяне были обязаны отапливать и освещать помещение школы, а также избирать из своей среды сторожей и уборщиков здания. Во власти сельского схода было и закрытие существующей школы, и замена ее школой иного типа. Приговор сельского или волостного схода, составленный с соблюдением требований закона, т.е. одобренный не менее 2/3 членов сельского общества, был обязателен для исполнения всеми

крестьянами. В случае, если сходом было постановлено открыть и содержать церковноприходскую школу, то отдельные крестьяне, принадлежавшие к иноверческим и инославным конфессиям и не желавшие обучать в ней своих детей, не освобождались от уплаты сбора (Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1900. № 22. С. 597).

Все поселения волости в обязательном порядке платили взносы на содержание волостного училища МНП, которым пользовались только дети волостного села. Из создавшегося положения было два выхода: либо отменить практику содержания центральной школы на крестьянские средства всей волости, передав ее на баланс дирекции народного просвещения, либо при открытии школ духовного ведомства освободить крестьян от обязательных взносов на ее содержание. В Иркутской и Енисейской губерниях возбуждались сотни ходатайств об освобождении от содержания волостных школ, «с обращением платимых денег на содержание местных церковных школ или с условием открывать и содержать такие школы». Парадоксально, но подобные ходатайства сельских обществ, уже открывших либо собирающихся открыть и содержать церковную школу, отклонялись как прошения обществ, располагающих достаточными средствами (см. напр.: Иркутские епархиальные ведомости (далее — ИЕВ). 1895. № 15пр. С. 412–413).

Порядок сбора денег на содержание школ МНП прямо навязывал крестьянам открытие именно государственной школы: селение освобождалось от участия в мирских раскладах на волостное училище только в случае открытия в данном селении государственной школы. Нередки были случаи подачи крестьянами прошений о придании существующей церковной школы статуса «министерской» школы.

Фактически между представителями духовного ведомства и Министерства просвещения шла тихая война (См. напр.: Кокоулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Иркутск, 1895. С. 48). Анализ формулировок приговоров сельских сходов скорее говорит о том, что население индифферентно относилось к типу и программам школ, поэтому крестьянство не принимало активного участия в борьбе представителей разных ведомств за существование определенной школы, а одобряло приговоры под давлением властей или под влиянием более умелой агитации.

Вообще крестьянское население Восточной Сибири медленно привыкало к появлению в селениях школ, однако здесь был заметен прогресс. Если в 1890-х гг. в графе опросных бланков «Как относится население к школе» чаще встречались определения «индифферентно», «равнодушно», «безучастно», «холодно», то к началу XX в. ответы звучали как «сочувственно», «с любовью», «доверчиво», «благородно» (ИЕВ. 1896. № 18. С. 9; 1901. № 12. С. 80).

Отказ крестьян от открытия и/или содержания школы обычно мотивировался бедностью. Однако независимые источники показывают,

что причиной, скорее всего, был консерватизм крестьянской среды, непонимание пользы грамотности. Так, в Европейской России на рубеже XIX–XX вв. бытовало представление о «сказочно» зажиточных крестьянах Енисейской губернии. Это мнение было небезосновательным: в 1900 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 3,5 лошади, 3,9 единиц рогатого скота, 10,7 единиц скота в целом (Григорьев В.Ю. Одна из главнейших нужд сельского хозяйства. Красноярск, 1900. С. 23).

Частные пожертвования на развитие народного просвещения часто бывали весьма значительными, но единовременными. Они делались, как правило, купцами и не превышали 25 р. Чиновники и священнослужители жертвовали, как правило, от 5 до 15 р. Крестьянам также рекомендовалось изыскивать разнообразные способы для обеспечения школ, перенимая опыт губерний европейской России: реализация школьным попечительством снопа с урожайной копны любого посева, продажа злаков, выращенных на отведенном школе наделе силами самих учащихся и т.д.

В период экономического подъема Сибири (90-е гг. XIX в.) неуклонно возрастала доля средств, собираемых по приговорам сельских обществ, школьными и приходскими попечительствами и т.д. Так, в 1895 г. на содержание школ духовного ведомства от сельских обществ Иркутской епархии поступило 23 493 р., Енисейской епархии — 15 163 р., в 1897 г. — уже 29 823 р. и 18 468 р. соответственно (ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 1989, л. 1). На уменьшение в начале XX в. местных сумм, особенно поступлений от попечителей и пожертвователей от частных лиц, повлияли разнообразные факторы: неурожай, изменение конъюнктуры рынка, Ленский приисковый кризис 1901 г., проведение Транссибирской магистрали, мобилизация Сибирского округа летом 1900 г. и т.д.

Несмотря на рост абсолютных показателей школьного строительства Восточная Сибирь стремительно регрессировала по уровню образования — за счет активного переселенческого движения процент грамотных и охват детей школами неуклонно снижался. Абсолютный прирост на 1000 населения составлял в 1908 г. 16,5 чел. для России и 18,9 для Восточной Сибири, в 1913 г. — 15,7 и 22,8 соответственно. С 1863 г. по 1914 г. население только Иркутской губернии возросло с 365,8 тыс. до 750,2 тыс. чел. (Рашин А.Г. Население России за сто лет. М.: Госстатиздат, 1956. С. 69).

Государственное субсидирование начальных государственных школ было намного щедрее, хотя оба типа школ имели одинаковые задачи и работали по почти идентичным учебным программам. Школы духовного ведомства не могли не проигрывать на фоне лучше оснащенных школ МНП с более высокой заработной платой педагогов. В Восточной Сибири в 1888 г. приходилось в среднем на 1 церковную школу — 63 р.; на 1 училище МНП — 240 р.; в 1898 г. — 86 и 608 р. соответственно; в 1904 г. — 506 р. и 976 р. соответственно (ЕЕВ. 1889. № 1. С. 17; 1905. № 18. С. 477; ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 2008). Первоначальный расчет на существование школ духовного ведомства за счет средств сельских обществ не оправдал-

ся, и государству все же пришлось взять на себя расходы по содержанию этих школ, но произошло это лишь в середине 1900-х гг.

Повышение размера дотации на одну школу духовного ведомства происходило за счет увеличения государственных ассигнований. Синодальной нормой содержания церковноприходских школ в 1897 г. было признано для одноклассной школы 125 р. в год, для школы грамоты — 25 р. в год (ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 1989, л. 5). Долгое время во внимание не принимались региональные особенности их функционирования, в частности, дороговизна жизни в Восточной Сибири.

Размер ассигнований, поступающих от сельских обществ на содержание церковных школ, начал снижаться: так, в 1904 г. в Енисейской епархии он составлял 12 444 р., в 1905 г. — 10 602 р., в 1906 г. — 9108 р. (Свод предположений местного начальства и Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей на 1909–1911 гг. Енисейской губернии. Красноярск, 1908. С. 47). Причина этого было начавшееся с 1903 г. широкое государственное финансирование школ МНП, открытие которых обходилось теперь крестьянам почти бесплатно. Как следствие, с 1904 г. по 1907 г. в Енисейской губернии было закрыто 18 школ духовного ведомства. Каждое из 51 училища МНП губернии только из сумм губернского земского сбора получало 590 р. в год, в то время как каждая из 220 церковноприходских школ ежегодно получала из всех источников только 416 р. На содержание школ ВПИ Енисейской епархии в год поступало лишь 14 900 р. из губернского земского сбора, что составляло 19% от общих расходов по сбору, и около 22,5 тыс. р. местных сборов (ГАИО. Ф. 25, оп. 10, д. 2068, л. 67).

Финансовые поступления от сельских обществ на нужды народных школ зависели от многих экономических и внутрисполитических факторов. Школы МНП практически полностью находились на государственном обеспечении, в то время как школы ВПИ Восточной Сибири, игравшие большую роль в силу распространенности, должны были буквально выживать. Многообразие и нестабильность источников субсидирования обуславливало их работу в условиях хронического недофинансирования и отсутствие стабильной материальной базы, что порождало постоянное отставание церковных школ от начальных училищ МНП по оснащению и качеству педагогического состава.

О.Д.Н. ЦЫДЕНЕШИЕВА

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПа

Финансово-экономический кризис в годы перехода к НЭПу обусловил многочисленные изменения в оплате труда, формах и методах его организации. В значительной степени он коснулся системы народного